

Лекция 1. Возникновение психолингвистики как науки

Психолингвистика – сравнительно новая лингвистическая дисциплина, возникшая на стыке языкознания и психологии. Что изучает эта наука? Говоря современными терминами, **психолингвистика изучает процесс порождения текста** (претворения исходной интенции и смысла в окончательный продукт – текст) **и процесс восприятия текста** (путь от слуховой или зрительной перцепции до полного понимания). Можно сказать, что она занимается всем, что имеет отношение к языку как деятельности.

Если использовать термины, введенные основателем современного языкознания швейцарцем Фердинандом де Соссюром (1857 – 1913), то объект психолингвистики – это *langage* (речевая деятельность), – то, что сводит воедино *langue* (язык) и *parole* (речь). А если заглядывать еще дальше в историю науки, то объект психолингвистики был сформулирован гениальным немецким ученым Вильгельмом фон Гумбольдтом (1767 – 1835). Гумбольдт писал: «Язык следует рассматривать не как мертвый продукт (*Erzeugtes*), но как созидающий процесс (*Erzeugung*)». И тут же он пояснял это различие с помощью греческих названий: «Язык есть не продукт деятельности (*Ergon*), а деятельность (*Energeia*)».

Хотя психолингвистика – молодая наука, сами проблемы выбора языковых единиц и эффективности речевого общения всегда волновали людей. Очень полезно в этом отношении сравнить высказывания философов, естествоиспытателей, писателей и поэтов о том, как связаны между собой мышление и язык. Поэтому далее я предложу небольшой обзор цитат на интересующую нас тему.

У замечательного русского поэта Ф.И. Тютчева (1803 – 1873) есть стихотворение «*Silentium!*» с такими строками:

Как сердцу высказать себя?
Другому как понять тебя?
Поймет ли он, чем ты живешь?
Мысль изреченная есть ложь.

В этих строках заключен пессимизм и агностицизм. Их смысл таков: язык бессильно выразить всю глубину мысли. Как только мысль получает словесное выражение, она становится «ложью», то есть искажается. Не стоит надеяться, что один человек способен понять другого. Само название стихотворения в переводе с латинского означает «Молчание!». И все-таки спросим себя: стал бы сам Тютчев писать свое

стихотворение (да и десятки других лирико-философских произведений), если бы дело с пониманием обстояло так безнадежно?

Современного польского кинорежиссера Кшиштофа Занусси спросили, из чего исходит режиссер в своей трактовке произведения. Он ответил: «Из своей культуры, своего языка, на котором он привык думать. Язык тоже определяет менталитет. Я владею несколькими иностранными языками и вижу, что когда перехожу с одного языка на другой, начинаю думать немного по-другому».

Известный немецкий лингвист, основатель неогумбольдтианства, Йоханн Лео Вайсгербер (1899 – 1985) в своей первой крупной работе «Родной язык и формирование духа» («Muttersprache und Geistesbildung», 1929) писал: «Человек, который вырастает в некий язык, находится на протяжении всей своей жизни под влиянием своего родного языка, действительно думающего за него». Эта мысль была для Вайсгербера ключевой, он не раз к ней возвращался. В упомянутой книге ученый указывал, в частности, на роль синтаксических конструкций в мыслительной деятельности:

«Схемы предложений во многом заранее определяют тот способ, которым формируется мысль. [...] Схемы предложений зачастую уже присутствуют до того, как будет найдено слово, то есть на очень раннем этапе формирования мысли».

Вайсгербер на конкретных примерах показывал, как это происходит. Скажем, если человека спросили: «Что такое инструмент?», то он начинает говорить «Инструмент – это...», возможно, еще не зная, какие слова он далее выберет. А синтаксическая схема у него уже есть, она готова, она сформирована его коммуникативным и когнитивным опытом!

Формально психолингвистика берет свое начало с 1953 года. В этом году в США, в городе Блумингтон, состоялся Межуниверситетский исследовательский семинар. Организаторами его были известные психологи Джон Кэрролл и Чарльз Осгуд, а также литературовед и этнограф Томас Себеок. В результате многодневных дискуссий на свет появилась коллективная монография «Психолингвистика» (Psycholinguistics. A survey of theory and research problems. Baltimore, 1954). В этой книге нашли свое отражение некоторые принципиальные положения новой науки.

Важным для основателей нового научного направления является различие **лингвистических** единиц (таких как фонема, морфема и др.), **психологических** единиц (это единицы, которые реально выделяет в своем сознании носитель языка, а именно: слог, слово и предложение) и

собственно **психолингвистических** единиц (т.е. сегментов, работающих в процессах кодирования и декодирования). Ставится вопрос о психологической реальности лингвистических единиц и о лингвистической значимости психологических единиц, недостаточно учитываемых языковедами. В частности, очень интересен вопрос: что такое слово в сознании носителя языка? Сколько, например, слов в предложении *Петя с Машей пошли в кино*? Есть веские основания считать, что для обычного человека *с Машей*, так же как и *в кино*, представляет собой единое слово (а выделение предлогов как служебных слов – в значительной мере результат усвоения орфографических правил)!

Иерархия психолингвистических единиц у Осгуда и его соавторов выглядит следующим образом. На начальном, самом верхнем, **мотивационном уровне** (motivational level) говорящий имеет дело с сообщением в широком смысле слова (включая сюда модальные характеристики). Затем идет **семантический уровень** (semantic level), на котором выбираются значения. Здесь говорящий имеет дело с «функциональными классами». Следующий, третий уровень – **уровень последовательностей** (sequential level), когда функциональные классы воплощаются в слова. И, наконец, четвертый уровень – **интеграционный** (integrational level); по Осгуду, кодирование здесь заканчивается слогами. Можно, конечно, дискутировать по поводу этой схемы, особенно в том, что касается средних уровней: переходит ли говорящий от исходной интенции к неким «опосредованным репрезентациям» или же прямо к словам и т.п.?

Поэтому авторы «Психолингвистики» дополняют изложенную схему особой последовательностью «уровней поведения». Предполагается, что говорящий начинает порождение текста («кодирование») с выбора семантической **интенции** (это может быть желание задать вопрос, или похвалить кого-либо, или выразить свое возмущение и т.п.). Затем, на следующем этапе, происходит подбор **слов с их грамматическими характеристиками** (последнее важно!), и, наконец, на завершающем этапе слова облекаются в **звуковую форму**. Это уже выглядит более понятно и, я бы сказал, естественно.

В каждый момент речевой деятельности выбор говорящего основан на каком-то многомерном, многокомпонентном основании. А, возможно, на процесс селекции конкретных элементов и упорядочения их последовательности влияет некоторый **предварительный план**, схема, которая есть в голове у говорящего.

Американские психолингвисты попытались использовать для объяснения этого феномена генеративную, или порождающую, грамматику Ноама Хомского (N. Chomsky), первые варианты которой появились в те же 50-е годы XX века. Как известно, модель Хомского включает в себя два основных компонента: **языковую способность**, т.е. потенциальное и врожденное знание языка (*linguistic competence*), и **речевое употребление**, т.е. реализацию данной способности (*linguistic performance*). При этом концепция Хомского создавалась в расчете на англоязычный материал, и последующая ее критика в значительной степени и была связана с тем, что генеративная грамматика оказалась плохо приложима к материалу других языков.

Важнейший компонент языковой способности – синтаксический – включает в себя, по Хомскому, ограниченное множество глубинных структур, каждая из которых с помощью трансформаций может быть преобразована в разнообразные поверхностно-синтаксические структуры. Скажем, высказывание *Лучший ученик решил задачу*, соответствующее схеме $S \rightarrow NP + VP$ (следует читать: предложение разлагается на именную группу и глагольную группу), может быть преобразовано в такие фразы, как *Лучший ученик не решил задачу*; *Задача решена лучшим учеником*; *Решил ли лучший ученик задачу?*; *Лучший ученик, который решил задачу*; *Решение задачи лучшим учеником* и т.п. При этом экспериментально доказано, что эти «вторичные» высказывания требуют для своего понимания и обработки больше времени, чем исходное предложение. Это свидетельствует о психологической реальности трансформаций в сознании человека.

И вообще, предложенные Хомским составляющие – (а) единицы словаря, (б) классы единиц словаря, (в) правила распространения и (г) правила трансформации – оказались соотносимы с психолингвистическими уровнями кодирования / декодирования речи. В частности, правила распространения через цепочку непосредственно составляющих можно было принять за последовательность разворачивания, определяющую выбор конкретного элемента. Безусловно важно и введенное генеративистами противопоставление глубинных и поверхностных структур, между которыми лежат трансформационные операции.

Теоретической базой для американской психолингвистики послужил, кроме уже упоминавшихся исследований Франца Боаса, Эдварда Сепира и Бенджамена Ли Уорфа, также бихевиоризм в лице Леонарда Блумфилда (1887 – 1949) и его последователей. «Язык стоит между человеком и природой» – это гумбольдтовское положение

получило практическое подтверждение и развитие. В частности, в языке индейцев хопи, как оказалось, совершенно иное представление о времени. И это отражается в особенностях норм мышления и поведения людей этого племени. Так появилась теория лингвистической относительности, или «гипотеза Сепира – Уорфа», до сих пор продолжающая волновать ученых и требующая все новых экспериментальных подтверждений.

Леонард Блумфилд трактовал речевой акт как часть человеческого поведения, укладываемую в общую рамку взаимодействия «стимул – реакция». Поэтому здесь отсутствуют какие-либо социальные, идеологические, аксиологические (то есть оценочные), эстетические факторы, а обмен информацией выглядит до некоторой степени механистическим. Бихевиоризм (от англ. behaviour ‘поведение’) продолжал «ассоцианистскую» модель поведения в психологии, согласно которой каждая реакция служит стимулом для следующей реакции.

Предшественником психолингвистики можно считать также швейцарского психолога Жана Пиаже (1896 – 1980). В своем классическом труде «Речь и мышление ребенка» (1923) ученый говорит: речь ребенка первоначально эгоцентрична, направлена на самого себя. Маленький мальчик (или девочка) разговаривает с самим собой, ему не нужен собеседник. И лишь по мере социализации индивида, вхождения его в коллектив, речь обращается вовне, наружу, она получает адресата. Позже Пиаже связывал психическую деятельность с приспособлением индивида к среде, с формированием готовых схем поведения -- «операциональных структур».

В становление психолингвистики как науки внесли свой вклад и другие ученые. Среди них особенно много немцев: это философ и психолог Вильгельм Вундт (1832 – 1920) с его теорией народной психологии (Völkerpsychologie), представители вюрцбургской школы психологии (О. Кюльпе, Н. Ах, К. Бюлер и др.) и гештальтпсихологии (М. Вертгаймер, К. Коффка и др.).

Говоря о предпосылках психолингвистики, стоит назвать также исследования датского лингвиста Отто Есперсена (1860 – 1943). В своей «Философии грамматики» (первое издание – 1924) он попытался объяснить внутренние механизмы функционирования языка. Там же грамматика определяется как «часть психологической лингвистики»:

«Психология должна помочь нам понять, что происходит в сознании говорящих, а особенно – как они отступают от ранее существовавших правил в результате борющихся тенденций, каждая из которых обусловлена известными фактами в строе данного языка».

Важно показать, что психолингвистика как наука возникла не внезапно и не на пустом месте, она естественным образом вызрела в недрах традиционного языкознания и продолжила лучшие традиции гуманитарного знания. Стало ясно, что речевая деятельность, использование языка с коммуникативной или иной целью представляет собой чрезвычайно сложный процесс, имеющий дело в каждый момент с неопределенным числом состояний. Выбор в ходе речепорождения конкретного элемента, в том числе слова, зависит от множества факторов. Это стало ясно и американским психолингвистам, как только они перешли к экспериментальному исследованию речевого поведения.

Я имею в виду прежде всего работы Чарльза Осгуда и его сотрудников по «измерению значения». В 1957 г. вышла в свет книга Ч. Осгуда, Дж. Сучи и П. Танненбаума «Измерение значения» (в оригинале: «The measurement of meaning»). В ней предлагался метод шкалирования для описания лексической сети, представленной в сознании индивида. Дело в том, что обычные описания слов в толковых словарях не отражают всей сложности реальных значений. Скажем, определение *Отец – родитель мужского пола* не учитывает таких качеств, как возраст отца, его строгость, то, что на отца обычно возлагаются функции «добытчика» (он зарабатывает деньги), то, что он пользуется уважением, и т.п. Не случайно дети очень часто заканчивают высказывание *Я люблю...* словом *мама*, но очень редко подставляют на это место слово *папа*: у отца в глазах ребенка другие функции, чем быть «предметом любви».

Поэтому Осгуд предложил более тонкую методику, получившую название «семантического дифференциала». Выглядело это следующим образом. Испытуемым предлагался ряд слов (например, *отец, грех, рыба, симфония, бульжник...*), каждое из которых нужно было уместить на шкале признаков «х – у», состоящей из семи делений, например, вот так:

<i>Отец</i>			
х	+3 +2 +1 0 -1 -2 -3		у
счастливый	•		печальный
твердый	•		мягкий
медленный		•	быстрый
мужественный	•		женственный
ласковый			•
...			...

Величину +3 здесь надо было понимать как «очень х», +2 – как «вполне х», +1 -- как «немного х», 0 – как «ни х, ни у», -1 – как «немного у», -2 – как «вполне у», -3 – как «очень у». А для другого слова, например, *грех*, эти точки (оценки) занимали бы на шкалах совсем другие места... Таких полярных противопоставлений, вроде *счастливый – печальный*, было много, более двух десятков. Тут были и *горячий – холодный*, и *серьезный – смешной*, и *обычный – необычный* и т.д. Получалось, что значение каждого слова определяется как **семантическое пространство**, очерчиваемое точками на ряде непрерывных шкал. Причем какие-то полярные признаки оказались друг с другом внутренне связаны, а какие-то – нет. После их группировки было выделено всего три независимых фактора: Оценка (шкала типа «хороший – плохой»), Сила (шкала типа «расслабленный – напряженный») и Активность (шкала типа «активный – пассивный»), каждый из которых получал свое статистическое воплощение.

Это было только начало углубленного экспериментального исследования того, как функционирует слово в сознании носителя языка. Дальнейшие исследования, в частности, ассоциативные эксперименты (о которых будет идти речь на следующих лекциях), еще больше усложнили картину.

Параллельно и одновременно с Соединенными Штатами Америки, союз психологии с лингвистикой вызревал и в Советском Союзе. Первые публикации на эту тему относятся к 50-м годам XX века (см. брошюру О.С. Ахмановой «Психолингвистика». М., 1957). Но по-настоящему это направление стало оформляться в связи с деятельностью Алексея Алексеевича Леонтьева (1936 – 2004). Леонтьев, сын известного психолога с той же фамилией, был не только основоположником советской психолингвистики, но и ее идеологом и организатором. Ему принадлежат, в частности, книги «Слово в речевой деятельности» (1965); «Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания» (1969); «Основы психолингвистики» (1997) и многие другие. Он был организатором и редактором коллективных монографий «Теория речевой деятельности» (1968) и «Основы теории речевой деятельности» (1974).

Обратим внимание на то, что психолингвистика в Советском Союзе чаще называлась **теорией речевой деятельности** (хотя она отнюдь не была чисто теоретической наукой). Это объяснялось, во-первых, стремлением подчеркнуть связь с русской психологической традицией (изучением деятельности как таковой), а во-вторых, стремлением

избежать упреков в копировании американской психолингвистики (до поры до времени «буржуазной псевдонауки»).

Советская психолингвистика опиралась на труды Льва Семеновича Выготского (1896—1934) и Льва Владимировича Щербы (1880-1944).

Первому из них принадлежит разработка понятия внутренней речи, а второму – противопоставление активной и пассивной грамматики (в связи с проблемами обучения языку, билингвизма и т.п.). Выготский – признанный во всем мире специалист, основатель советской школы психологии. Самый известный его труд -- «Мышление и речь» (1934). Приведу цитату из этой книги:

«Речь [...] не может надеваться на мысль, как готовое платье. Речь не служит выражением готовой мысли. Мысль, превращаясь в речь, перестраивается и видоизменяется. Мысль не выражается, но совершается в слове».

В этих словах – прямое признание того, что формирование мысли в голове у человека происходит в связи с языком и в зависимости от языковых структур. Выготский ввел в психологию и в лингвистику понятия внутренней и внешней речи. Внутренняя речь – «это речь для себя, протекающая в совершенно иных внутренних условиях, чем внешняя, и выполняющая совершенно иные функции». Фактически внутренняя речь совпадает с мыслительным процессом, это «мысль, связанная со словом». Еще цитата:

«Во внутренней речи слово гораздо более нагружено смыслом, чем во внешней. Оно [...] является концентрированным сгустком смысла».

Свойства внутренней речи, по Выготскому, таковы. Прежде всего, это размытость, нечеткость (мы бы сегодня сказали – аппроксимационность): внутренняя речь – «облако, которое проливается дождем слов». Далее, это неполнота, фрагментарность: многие элементы здесь опускаются. Наконец, это абсолютная предикативность: внутренняя речь «состоит с психологической точки зрения из одних сказуемых». Перед нами, так сказать, модель матрешки или снежного кома, в котором каждый новый слой объемлет все предыдущие. Возьмем такой пример. Допустим, мы видим комнату белого цвета, ярко освещенную, напоминающую нам медицинское или санитарное помещение. В нашем сознании понятию «комната» приписываются три признака: «белый», «освещенный», «как санитарный». Но для того, чтобы объединить эти три предикации в одну сложную мысль, нам надо организовать их сукцессивно, т.е. последовательно. Например, построить такую семантическую конструкцию: *(((комната) белая) освещена) как санитарное помещение*). Последовательность раскрытия скобок обратна

той последовательности, в которой осуществляется приписывание признака. Вот она, модель снежного кома! А в оригинале, в художественном тексте, откуда я взял этот пример, – у Владимира Набокова в рассказе «Лик», – организация внутренней мысли, воплотившаяся в структуру высказывания, еще сложнее:

Освещенная комната была санитарно бела по сравнению с южным мраком в растворенном окне.

Проблема внутренней речи упиралась в два вопроса: а) какие единицы используются мозгом при переходе от интенции (замысла) к тексту и обратно? и б) какова реальная роль и последовательность участия языковых единиц в этих процессах?

То, что мышление каким-то образом связано с материей языка, не подлежит сомнению. Можно было бы припомнить здесь какое-либо из свидетельств, приводившихся ранее, но я приведу новую цитату – из эссе Татьяны Толстой «Русский человек на randevу»:

«...Я не понимаю, как можно писать ВНЕ языка. Я знаю, как можно писать НА языке, языком, ВНУТРИ языка; знаю, как он – язык – сопротивляется нашим усилиям и в то же время помогает, неожиданно и услужливо предлагая нужные средства; знаю, как он хочет жить сам по себе, ловко уворачиваясь от насилия над собой, как он – к удивлению пишущего – вдруг становится хозяином, а не слугой, ведет тебя не туда, куда ты намеревался прийти...».

Это очень изящное и достоверное (потому что из уст самой писательницы, да еще популярной!) напоминание о связи творческой, мыслительной деятельности с языком, на котором человек говорит. Не выраженная вслух мысль остается сомнительным достоянием. Как у полуанекдотической маленькой девочки, которая на вопрос, что она думает, ответила: «Откуда я знаю, что я думаю? Вот скажу – тогда узнаю!» Но заданный вопрос требовал экспериментального исследования.

В опытах Николая Ивановича Жинкина (1893 – 1979; книга «Механизмы речи» – 1958) содержалась попытка заглянуть в тот «черный ящик» сознания, который до тех пор был недоступен для исследователя. Жинкин считал, что внутренняя речь латентна (скрыта), но материальна в своей основе, причем она «осуществляется не на словесном, нормализованном языке, а на специфическом субъективном языке, вырабатываемом в процессе накопления интеллектуального опыта» (из предисловия к «Механизмам речи»). В качестве такого специфического языка внутренней речи Жинкин предложил **универсальный предметный код (УПК)**. Ученый предлагал испытуемым молча решать

несложные мыслительные задачи (например, арифметические примеры или вопросы типа: *Брат отца и отец брата – это одно и то же, или нет?*), в то время как нервно-физиологическая деятельность их организма находилась под контролем. Положение внутренних органов (глотки, языка) фиксировалось на кинорентгенограмму.

В других случаях с губ или с кончика языка снимались (с помощью невесомых датчиков) сигналы о динамике электрического потенциала. (Эксперименты последнего типа описаны в книге А.Н. Соколова «Внутренняя речь и мышление». Москва, 1968.) Во всех случаях исследователи фиксировали **работу органов речевого аппарата**: микродвижения языка, изменение электроактивности речевой мускулатуры. Однако – что очень важно – эта работа не совпадала с обычной артикуляционной работой органов речевого аппарата.

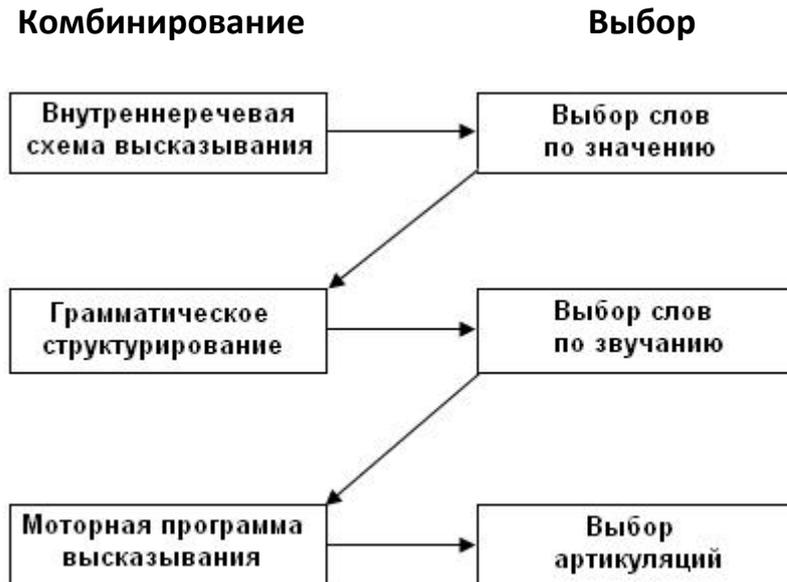
Вот как писал в 60-е годы один из пропагандистов изучения речемыслительной деятельности Вячеслав Всеволодович Иванов:

«...Внутренняя речь использует средства кодирования, связанные с физической природой сигналов звукового языка, но вместе с тем эта система передачи информации использует **внутри мозга** сигналы, физическая природа которых совершенно отлична от физической природы сигналов звукового (или письменного) языка...».

И до сих пор вопрос об элементах внутренней речи, о ее материальном, нейрофизиологическом воплощении остается открытым.

Что же касается стадий (этапов) внутренней речи, то, по Леонтьеву, сразу после мотива наступает этап внутреннего Программирования, т.е. «неосознаваемого построения некоторой схемы, на основе которой в дальнейшем порождается речевое высказывание». Внутренняя Программа складывается из своего рода смысловых вех, это «содержательное ядро будущего высказывания», или, говоря современными терминами, «иерархия пропозиций», основанных на предикативных отношениях. Далее Программа высказывания реализуется в соответствии с правилами грамматического и семантического развертывания, а результат подвергается контролю.

Чему при этом отдать приоритет: грамматике или лексике? В чем естественнее воплотиться Программе высказывания – в знакомых говорящему номинациях или в общей синтаксической структуре, охватывающей «участников ситуации»? На этот счет есть разные мнения. В частности, ученица Леонтьева Т.В. Рябова (Ахутина) первоначально выстраивала этапы Программы таким образом:

Позже эта схема приняла несколько более сложный вид, но все равно переход к собственно языковым единицам начинался с выбора слов.

Однако другие ученые, занимавшиеся этой проблемой – Ю.С. Степанов, Н.И. Жинкин, А.Р. Лурия и др., – считают, что говорящий соотносит Программу высказывания с тем набором структурных схем, которые предлагает ему язык. Пожалуй, не случайно синтаксической схеме, или модели предложения, уделяется такое внимание в психолингвистических концепциях. Это не только дань популярности генеративной грамматики, но и понимание того, что синтаксические конструкции способны в более общей, более концентрированной форме охватить смысл конкретной ситуации, соотнести ее с «типowymi ситуациями», хранящимися в памяти. О месте и роли синтаксической модели в процессе речепорождения мы еще поговорим подробнее в одной из следующих лекций.

В 70-е годы XX века от психолингвистики начинает отпочковываться новое направление исследований речемыслительной деятельности – **нейролингвистика**. Это было связано с работами известного нейрофизиолога и нейропсихолога Александра Романовича Лурии (1902 – 1977). Лурия начал свой научный путь с исследования речевых расстройств – афазии (в том числе возникающих после травм). Но постепенно в центр его внимания попала уже известная нам проблема механизмов внутренней речи.

Путь от мысли к речи, считал Лурия, «начинается с мотива и общего замысла, ... проходит через стадию внутренней речи, которая, по-

видимому, опирается на схемы семантической записи [...], приводит к формированию глубинно-синтаксической структуры, а затем [...] развертывается во внешнее речевое высказывание, опирающееся на поверхностно-синтаксическую структуру» (из книги «Основные проблемы нейролингвистики». Москва, 1975).

В 70-80-е годы нейропсихологи окончательно убедились в том, что полушария головного мозга выполняют разные функции в процессах речевой деятельности. Правое полушарие отвечает за целостное и «одномоментное» восприятие мира со всеми его составными элементами, за синтезированный образ ситуации. Левое же специализируется на аналитическом, последовательном познании, на установлении иерархической сложности. (Это было подтверждено экспериментами, в которых больным временно «отключали», угнетали одно из полушарий.)

Тем самым, с одной стороны, объясняется, почему в разной обстановке речевая реакция человека может быть совершенно различной. Допустим, загорелось какое-то здание. И эта объективная ситуация может быть отражена в речи различным образом, сравним возглас: «*Пожар!*» и фрагмент отчета о действиях пожарной команды: «*В 20 часов 15 минут произошло самопроизвольное возгорание деревянного строения по улице Железнодорожной...*». С другой стороны, взаимодействие полушарий как раз и означает возможность перехода от целостного видения ситуации к ее расчлененному представлению, от комплексного образа, гештальта – к его частям.

Во второй половине XX века получила развитие идея Л.В. Щербы об активной и пассивной грамматике. **Активная грамматика** (ее еще называют идеологической) означает движение от смысла к тексту. Это деятельность говорящего (и пишущего). Здесь ключевым понятием становится выбор единицы, как в формальном, так и в семантическом плане; очень важное место занимает проблема синонимии и т.п.

Конечно, не только российские ученые работают в этом направлении. Например, получила известность концепция американского ученого В. Левельта. У него основные стадии речепорождения – это Концептуализация, Формуляция (куда входит грамматическое кодирование и фонологическое кодирование) и Артикуляция (см.: Levelt W.J.M. *Speaking: From Intention to Articulation*. Cambridge, 1989). Причем Левельт допускает в конкретных случаях и обратные «ходы» с нижнего уровня на верхний. А в модели другого американца, Уоллеса Чейфа, последовательность процессов речепорождения более явно соотносится с самим строением языка, с системой его уровней. Это «семантическая структура – промежуточная постсемантическая структура –

поверхностная структура – исходная фонологическая структура...» и т.д., вплоть до воплощения в звучащий текст (см. его книгу «Значение и структура языка». Москва, 1975).

Появляются новаторские практические грамматики «активного» характера. Огромное влияние на последующие исследования оказала концепция, разработанная Игорем Александровичем Мельчуком (первое издание его книги «Опыт теории лингвистических моделей “Смысл ↔ Текст”» – 1974 год). Из работ последнего времени я бы назвал монографию финского русиста Арто Мустайоки «Теория функционального синтаксиса» с подзаголовком «От семантических структур к языковым средствам» (Москва, 2006). Эти работы нельзя назвать в прямом смысле психолингвистическими (скорее они принадлежат к функциональному направлению в грамматике), однако они очень важны для понимания тех процессов, которые протекают в сознании говорящего.

Пассивная же грамматика, со своей стороны, отражает деятельность слушающего (соответственно читающего): это движение от текста к смыслу. Здесь в центре внимания оказывается проблема отождествления единиц и, в частности, омонимия. Большое значение в данном плане имела статья американского лингвиста Чарльза Хоккетта «Грамматика для слушающего» (1961; русский перевод см. в сб. «Новое в лингвистике». Вып. IV. Москва, 1965). Хоккетт писал: «Для того, чтобы понять, что он слышит, слушающий иногда должен произвести синтаксический анализ предложения, то есть вскрыть его грамматическую организацию почти тем же самым образом, как это делает грамматист».

Разумеется, пассивная грамматика охватывает не только собственно грамматические явления, но и восприятие звуковой стороны речи (этому посвящено огромное количество экспериментальных исследований), и «опознавание» лексики, и особенности понимания целых фраз, и соотнесение с жизненным и языковым опытом слушающего, и т.д. Связаны с данной проблематикой и попытки автоматического распознавания и анализа текста. Здесь самое время подчеркнуть, что психолингвистика – преимущественно экспериментальная дисциплина. Разработаны десятки методик психолингвистических экспериментов, иногда весьма тонких и трудоемких. Но главное – результаты этих опытов могут быть воспроизведены, проверены на новом материале, а значит, они объективны и достоверны.